

Анимизм и спиритизм

Джузеппе Серджи

Animismo e spiritismo

GIUSEPPE SERGI

AliRibelli

 Издано Ali Ribelli

Редактор: Джейсон Р. Форбус

www.aliribelli.com – redazione@aliribelli.com

Джузеппе Серджи

Анимизм и спиритизм

Содержание

I. Варварство и цивилизация

II. Анимизм

III. Спиритизм

IV. Недоразумение

V. Выводы

www.leggenditalia.com

В последние дни яростная пропаганда спиритизма и его распространение как эпидемическая психоза побудили меня написать эти страницы, которые я теперь публикую; в них я четко выражаю свои мысли, без сомнений и утайки. Пусть эта небольшая статья поможет сдержать влияние странного внушения, и тогда я не написал ее напрасно.

Май 1902 г.

Г. Серджи

I.

Варварство и цивилизация

Я часто вспоминал некоторые высказывания проницательного американского наблюдателя, Пауэлла из Вашингтона, и теперь чувствую необходимость вспомнить их снова.

«Существует две великие стадии философии: мифологическая и научная. В первой все явления объясняются аналогиями, вытекающими из субъективного человеческого опыта; во второй — как упорядоченная последовательность событий.

В своем возвышенном эгоизме человек интерпретирует космос как продолжение самого себя; он классифицирует внешние явления по их аналогиям с субъективными явлениями; мерой расстояний является его собственный шаг, мерой времени — его собственный сон, потому что он говорит: до большой горы тысяча шагов, или: до большого праздника сто снов. Шумы — это голоса, силы — руки, движения — шаги. Все явления предполагаются как действия кого-то, кто имеет волю или цель. В мифологической философии предполагается, что явления внешнего физического мира являются действиями живых людей, имеющих волю и цели.

«Есть неизвестное известное, и есть известное неизвестное. Известное неизвестное — это философия дикаря; неизвестное известное — это философия цивилизации. На тех стадиях культуры, которые мы называем диким состоянием и варварством, все вещи известны, то есть предполагаются известными; но когда в конце концов что-то становится известным, понятным, объясненным, тогда для тех, кто обладает этим знанием в полном понимании, все остальные вещи становятся неизвестными. Тогда наступает эра исследований и открытий; тогда рождается наука; тогда начинается цивилизация. Философия дикаря полна; философия цивилизации фрагментарна. Вы, люди науки, вы, мудрые идиоты, открыли закон гравитации, но вы не можете сказать, что такое гравитация. А у дикаря есть причина и метод для всех вещей; для него ничего не остается необъясненным»¹.

Эти концепции верны, я не имею ничего против, это точное различие между философией и примитивной или дикой наукой, между философией и наукой цивилизации; но действительно ли мы находимся на этой второй стадии? Действительно ли мы превзошли мифологическую философию Пауэлла? – Я думаю, что нет, и некоторое время назад я писал:

«Из всех существующих вещей, пожалуй, ничто так не утомляло человеческий разум, как жизнь с ее формами; и даже сегодня самый образованный и прогрессивный человек подобен первобытному человеку, который успокаивается, приписывая живым органическим существам, животным и растениям, скрытую и таинственную силу, превосходящую человеческое понимание, господствующую и скрывающуюся в чувственных формах. Никакая наука, никакое умственное превосходство не смогли искоренить такую примитивную философию. Философия самого тонкого трансцендентала, каким был Кант, ничем не отличается от философии примитивного американца или австралийца, когда речь идет об интерпретации сущности вещей; ноумен и феномен подобны жизненному принципу и проявлениям жизни. Философы и биологи и сегодня ломают голову, пытаясь отыскать два элемента, скрытый и явный, сущность и видимость, и гармонично объединить их в реальное единство; и они не замечают тщетности

своих поисков, как обманутая обезьяна, которая хочет найти за зеркалом свое отражение, которое она принимает за реальное явление.

«Тот, кто наблюдает за большими достижениями в науках и их практическом применении, таких как физика, химия, механика, должен удивляться тому, как мало человек продвинулся в философии, которая в своих основополагающих принципах все еще остается примитивной»². Таким образом, мифологическая стадия Пауэлла не прошла даже в период, который обычно называют цивилизацией, или в котором она бесконечно далека от невежественного дикаря, как мы обычно его считаем и называем.

Но более любопытно то, что мы переносим это примитивное состояние во все науки, когда хотим интерпретировать явления, которые являются их непосредственным объектом. И хотя мы способны использовать самые мощные силы природы, применять их в наших непосредственных интересах, удерживать их и брать от них столько, сколько нам нужно в данный момент, и поэтому мы кажутся могущественными покорителями природы, более могущественными, чем Прометей, потому что сегодня ребенок умеет пользоваться катушкой с электрическими проводами, мы, с другой стороны, примитивны, малы и жалки в своем мышлении, как испуганный дикарь, о таинственных невидимых сущностях, которые окружают нас и умеют пугать нас своими предполагаемыми действиями.

И когда мы построили доктрину о природе души, с помощью огромного количества тонких рассуждений, интеллектуального труда многих поколений, с помощью тонкой философской интерпретации, которая от Платона дошла до величайших современных теологов, мы не сделали ничего больше, чем австралиец, который грубо и без философских рассуждений предоставляет нам материал для многих томов. То есть мы ничего не создали, а только усовершенствовали грубое понятие, созданное дикарем, и сделали его достойным вековой работы человеческой мысли. И это еще не все; в то время как философ наших дней или древних времен, Платон, Джоберти, живущий среди более или менее неграмотного народа, считает, что превосходит его своими метафизическими размышлениями, на самом деле не отходит от него ни на шаг, потому что он, как и он, верит в оккультное и таинственное, что является простым и примитивным творением дикаря. Все это, как мне кажется, можно сравнить с легко наблюдаемым фактом, с одеждой из шерсти; пастухи используют шерсть в том виде, в каком она есть, со всей кожей, чтобы сделать себе одежду, а люди, называемые цивилизованными и живущие в городах, используют шерсть, пряденую, расчесанную и преобразованную до неузнаваемости: и та, и другая идентичны, и конечный результат происходит от грубого.

Таким образом, в конечном счете, в ходе всего человеческого прогресса и социальной эволюции не произошло никаких существенных изменений в отношениях между человеком и окружающей его со всех сторон природой, несмотря на то, что, как я уже сказал, он пользуется этой природой по своему усмотрению. Поэтому кажется, что в человеческой природе существует дуализм, одна часть которого прогрессирует бесконечно, а другая остановилась и застыла, как будто ее удерживает или сковывает высшая внешняя сила, и она не может от нее освободиться, несмотря на все усилия, а лишь кружит вокруг нее, как собака, привязанная к цепи, удерживаемой большим и неподвижным гвоздем. Здесь Прометей не смог освободить человечество, которое, кажется, окончательно обречено навечно. Почему?

Причина не единственная и простая, а состоит из различных причин, случайных или обусловленных намеренными обстоятельствами. И прежде всего забота о том, что его лично

интересует, его будущее, его судьба, вечный страх смерти, неизвестность после смерти; во-вторых, традиционное воспитание, благодаря которому человек сегодняшнего дня продолжает быть человеком вчерашнего дня. Это воспитание усиливает человеческие интересы к будущему, смерти, к неизвестному после смерти, посредством религии. Таким образом, с этой стороны человек продолжает испытывать первобытные чувства дикаря, которые становятся его кровью, сущностью его психики, неотъемлемой частью его менталитета, потому что они традиционно запечатлеваются в нем с детства. Человек, который впоследствии освобождается от научных убеждений, отстраняясь от культовых практик, приобретая знания, которые стремятся разрушить то, что он приобрел без своего желания с детства, не теряет все и навсегда, потому что в глубине души у него все еще остается латентное чувство всего того, что составляет общие заботы, неизвестное, загробная жизнь и так далее. И очень немногие избавляются от этого полностью и становятся спокойными по отношению к себе, к будущему и к смерти; но эти немногие также угасили в себе всякое религиозное чувство. Другие же, ставшие в этом отношении равнодушными, все еще имеют более или менее сознательный остаток своего воспитания, которое, впрочем, идет в унисон с общим воспитанием и общим чувством; и при первой же возможности они проявляют себя так, как будто этот остаток является целым, живым и действующим, и это любопытно, даже вопреки их собственным научным убеждениям, которые привели бы к противоположному результату.

Таким образом, в современном человеке, называемом цивилизованным, живут, так сказать, две души: одна примитивная, дикая, невежественная, которая является непрерывным продолжением первобытного и дикого человека; и недавняя, новообразованная, цивилизованная, которая не может уничтожить первую, только в очень немногих она может подавить или задушить ее: настоящий дуализм, который составляет противоречие и который является великим невежеством рядом с великой наукой.

Из них сильнее первая, наука с трудом может победить ее, за исключением очень немногих людей; и здесь причина заключается в всеобщем согласии всех, в котором жива первая, а вторая ничтожна или поверхностна, и в котором наиболее ярко пробуждается то чувство, которое может быть латентным и которое составляет первобытную душу по традиции, по воспитанию и даже по интересу собственного существа. Так, Брюнне будет говорить нам, что наука потерпела крах, потому что не смогла объяснить неизвестное и не смогла решить человеческую проблему, как ее обычно называют; и тогда весь хор присоединится к этому утверждению, которое глупо, потому что оно не научно и плохо подходит в качестве ответа на проблему. Наука никогда не ставила проблему загробной жизни или бессмертия души; из ее следствий независимо вытекает отрицание этих предположений, которые относятся к периоду мифологической философии Пауэлла, то есть к дикой или первобытной душе человека. Задача науки заключается в том, чтобы устранить примитивную философию, а не объяснять ее данные, которые являются неразрешимыми, потому что они являются предположениями и не имеют реальной сущности. Может ли математик решить проблему, в которой в качестве данности задано пространство без размеров?

То подобие науки, которое хотело бы объяснить загробный мир и так называемые смежные проблемы, не является наукой, не имеет ничего общего с наукой, и называть его наукой – злоупотребление; наука должна иметь в качестве первого и фундаментального данного существующий элемент, а не пустой, воображаемый и фантастический. Однако все, что дает мифологическая или дикая философия, не имеет никакой сущности; и если люди захотели

придать ей научный характер, это никогда не сможет сделать ее реальностью там, где есть пустота и ничто. Таким образом, наука и ложная наука Брюнетье провалились, а наша наука, которая сталкивается с реальными проблемами, а не с выдуманными или рожденными мрачной психологией первобытных людей, прошла испытание.

Если наука может войти в эти исследования, она войдет в них, чтобы объяснить, как возникли и были произведены эти человеческие явления; и тогда, зная их происхождение, можно решить знаменитые проблемы неизвестного и загробного мира, решить их как проблемы, которые существуют только в человеческом воображении, продуктом которого они являются. Фактически, психологическая наука и этнология могут дать объяснение этим проблемам, и тогда в результате мы их устраним. Вот настоящее и подлинное решение, которое не является провалом.

Но мы с помощью науки сражаемся с ветряными мельницами и похожи на Дон Кихота, потому что для победы нужно полностью изменить человеческую природу. Этот дуализм, это противоречие, о котором говорилось выше, будут вечными, как вечны будут религия, вечны будут предрассудки, вечно будет непроницаемое невежество, в которое погружен человек; и наука, настоящая и законная наука, будет делать величайшие успехи, давать самые чудесные и полезные для человечества результаты, но не уничтожит ни атома той кучи невежества, над которой работают отдельные люди и общество, чтобы сделать ее еще глубже и непроницаемее. Мифологическая философия Пауэлла будет вечно сосуществовать с законной наукой, и человек будет одновременно диким и цивилизованным, прогрессивным и примитивным: это будет лучше продемонстрировано на следующих страницах.

1 Sketch of the Mythology of the North American Indians, в «First annual Report of the Bureau of Ethnology». Вашингтон, 1881.

2 Эволюция в биологии и в человеке как индивидуальном и коллективном существе, в «Rivista italiana di Sociologia», год V, вып. IV, 1901.

II.

Анимизм

Для первобытного человека все наполнено духами, добрыми и злыми, и поэтому от них ему достается как много хорошего, так и много плохого: духи обитают в лесах, в горах, у истоков рек, в воздухе; они проникают в человеческое тело и вызывают болезни, направляют действия общины в деревнях и городах. Эти духи по сути не отличаются от души, которая, по его верованиям, находится в человеке и дает ему жизнь; поэтому они не отличаются и от призраков умерших, душ, вышедших из тела после смерти, которые либо отправляются прямо в место, где проходит вторая жизнь, либо бродят по земле или по местам, где ранее были соединены с телами, которые они оживляли. И душа находится не только в человеке, но и в других животных и растениях, где она является причиной жизни, движения и роста.

Этот всеобщий анимизм не ограничивается каким-то одним племенем или современным первобытным народом; он является религией, легендами, философией, наукой всех древних и

современных первобытных народов и служит практической жизни отдельных людей и общин, которые находятся под его влиянием наиболее очевидным образом.

Сами китайцы, которых нельзя отнести к числу первобытных дикарей, таких как австралийцы или индейцы Америки, широко почитают фэн-шуй, который имеет большое значение в их повседневной и практической жизни. По сути, в этом культе признается, что мир населен духами, добрыми и злыми, которые постоянно путешествуют по поверхности земли, и поэтому каждый китаец должен владеть искусством возведения могил, строительства домов, прокладки дорог и каналов, рытья колодцев, чтобы препятствовать полету злых духов и способствовать полету добрых. Часто китаец не разрешает строительство и раскопки шахт, потому что боится этих злых духов, но соглашается, если верит, что добрые духи могут свободно проходить или способствуют предприятию. Римляне приносили жертвы богам Манам в ограде своего жилища, которых они считали защитниками и духами предков. Точно так же китайцы признают, что их Маны наполняют землю и воздушное пространство вокруг их домов и поэтому могут влиять на судьбу живых как в лучшую, так и в худшую сторону. Любопытно также то, что они не отличаются от некоторых американских племен в том, что не позволяют душам своих умерших возвращаться в дом сразу после смерти, особенно детей. Они сжигают ароматическое дерево у входа в дома и лавки, потому что верят, что духи умерших не могут проникнуть через этот запах; подобно этому индеец хидатса сжигает углями пару мокасин, которые кладет перед дверью хижины, потому что верит, что запах этого сгоревшего предмета мешает духу умершего, блуждающему вокруг своего прежнего жилища, войти в дом.

Духи невидимы для людей, но могут быть видны животным, которые тогда боятся их и проявляют свой страх в соответствии со своими обычными выражениями. Но люди могут заметить присутствие или прохождение духов по следам, которые они могли оставить. Это важно отметить.

Гренландцы верят, что тюлени и дикие птицы боятся духов, которые им кажутся призраками. Конди, азиатские индейцы, признают, что животные замечают присутствие божеств, которые невидимы для человека. Коренные жители Филиппин ждут возвращения умершего в его дом на третий день после погребения; для этого они ставят у входа в дом сосуд с водой, чтобы он мог умыться, и разбрасывают пепел на земле, чтобы увидеть его следы. Индейцы хос в вечер, когда умирает один из них, совершают особые погребальные обряды, чтобы вызвать его. Они кладут в комнату внутри дома вареный рис и сосуд с водой, а затем разбрасывают пепел от этой комнаты до порога дома. Они поют песни и совершают другие обряды, ожидая увидеть на пепле какой-нибудь след, который оставит дух при своем прохождении. Если они видят какой-нибудь след, они дрожат и плачут; и так продолжают, пока все не убедятся, что дух вернулся к ним. У ацтеков проводилась аналогичная церемония, чтобы увидеть отпечаток стопы бога солнца Тескатлипока.

Но более любопытен другой первобытный обычай, с помощью которого люди пытаются изгнать духов, населяющих воздух и окрестности. Так, австралийцы ежегодно проводят церемонию, с помощью которой они намерены изгнать всех призраков умерших в предыдущем году; негры Золотого Берега время от времени собираются вместе и, вооружившись, бьют по воздуху или кричат, чтобы изгнать злых духов.

Своего рода посредником, через которого духи действуют на человека и влияют на события, является фетиш, в котором они воплощаются. Как известно, фетишем может быть любой

предмет: камень, кусок дерева, ракушка, кость, предмет из глины, изображающий животное, чудовище и т. д. Сам по себе он ничего не стоит, но имеет ценность, поскольку в нем, как полагают, воплощается дух; и тогда он приобретает ценность и может действовать, влияя на поступки людей. Первобытные люди используют фетиши в основном против болезней (), как средство защиты от них, против смерти, в бою, для придания себе мужества и так далее. Примеров очень много, потому что они встречаются у всех первобытных народов, я бы даже сказал, что они встречаются и у цивилизованных народов, в более или менее измененном виде и форме. Мы, например, носим с собой горбуна, голову мертвеца, подкову и так далее, которые обладают различными свойствами, аналогичными, без сомнения, свойствам австралийских фетишей.

Значение идолов не сильно отличается от значения фетишей; в них также признается воплощение духов и их влияние на людей и события. Духи, добрые и злые, гении, божества, люди, невидимые сами по себе, могут быть видимы в своей материализации и воплощении в неодушевленных предметах, а также в своих видимых действиях, таких как болезни, поскольку болезнь — это дух, проникший в какой-либо орган, из которого, чтобы вылечиться, его нужно изгнать, что и является задачей первобытных врачей. Любопытно! Этот изгнанный злой дух может быть захвачен в любом предмете и служить средством защиты от того зла, причиной которого он был.

Духи также имеют голос, чтобы быть понятыми; этот голос представляет собой шепот, шелест или что-то подобное. Алгонкины, индейцы Америки, слышат, как души умерших шипят, как сверчки; в Новой Зеландии духи умерших общаются с живыми, разговаривая с ними; для зулусов голос духов-духов-хранителей представляет собой короткий и глухой шелест.

Появление духов в человеческом обличье является всеобщим верованием всех древних и современных первобытных народов; их появление во сне столь же всеобщее; все это часто происходит, то есть, как полагают, происходит, когда они недовольны тем, как выжившие обращаются с их телами. Здесь легенд бесчисленное множество, и мне нужно рассказать лишь о некоторых из них.

Умер старый и бедный американский команчо из Северной Америки, у которого не было родственников. Некоторые члены племени подумали, что любая лошадь может перенести его в другой мир; поэтому они убили на его могиле старую и плохую лошадь. Но через несколько недель после похорон этого несчастного он вернулся, верхом на той же старой лошади, худой и голодный. Сначала он появился у вичита, другого племени, среди которого был достаточно известен, и попросил поесть; но его странный вид с впавшими глазами и осунувшимися щеками наполнил всех, кто его видел, ужасом, и они убежали от него. В конце концов, один старик привязал кусок мяса к концу шеста и протянул ему. Однако вскоре он появился в своей деревне, вызвав еще больший ужас, чем среди вичита; тогда команчи и вичита массово покинули свои деревни и поселились на Руш-Крик.

Дух, вернувшийся из подземного мира, когда его спросили, почему он так появился среди жителей земли, ответил, что, когда он прибыл к воротам рая, ему ни в коем случае не разрешили войти на таком измученном животном, как то, которое его везло. И таким образом, полный печали, он вернулся в дома тех, чья скупость и нищета не позволили ему оседлать лучшего животного.

Из греко-римской мифологии мы знаем, что души умерших не переносились за Стиг, если их тела оставались непогребенными.

Можно написать большие тома об анимизме, который является общим для всех первобытных народов земли, и можно, с помощью бесчисленных примеров, взятых отовсюду, от всех народов и из всех эпох, продемонстрировать отношения, которые люди считают, что имеют с духами всех видов, и как объяснение природных, физиологических и патологических явлений всегда является спиритической интерпретацией. Но здесь я считаю, что писать об этом много бесполезно и неуместно, когда для тех, кто желает, существует много специальных работ и много описаний в книгах по этнографии и путешествиях среди первобытных народов.

Я хотел изложить некоторые характерные факты, касающиеся первобытных верований в духов и их явления, их природу и их действие, чтобы показать, что они составляют первобытную науку или философию, фантастическую интерпретацию явлений и их причин. Неизвестное таинственно и пугающе, поэтому для наивных дикарей оно должно быть невидимым, но оно также должно быть похожим на другое невидимое неизвестное, которое дает жизнь, то есть душу или дух; которая, покидая умирающее тело, выживает в форме, которая должна быть призраком, легким, невидимым, так что она перемещается по воздуху и влияет на человеческую жизнь и события; и может вернуться в человеческое тело, в тело животных, может стать видимым по каким-то признакам, может даже говорить, хотя и с шипением и свистом, и, наконец, может защищать с помощью посредника, который является идолом или фетишем.

Эта примитивная философия не исчезла среди цивилизованных народов, она все еще существует, что легко продемонстрировать с помощью народных верований, предрассудков и суеверий. Но это скорее пережитки; есть же один очень важный факт, который не является пережитком того, что уже было, а продолжением первобытного варварства, которому хотят придать научный характер, потому что оно существует в лоне науки: это спиритизм.

III.

Спиритизм

Тридцать один год назад Тайлор, талантливый и разумный этнолог, так писал о спиритизме:

«Этнология заставляет нас признать в современном спиритизме возрождение философии дикого периода. Дело не только в том, чтобы узнать, являются ли явления, приписываемые духам, реальными; с ними связана философская и религиозная доктрина, которая процветала на самых низких ступенях человеческого общества. Сейчас мы снова видим, как мир наполняется духами, лишенными тела, наделенными силой и интеллектом, чье воздействие на мысль и материю утверждается с такой же наивной верой, какая преобладает в эпохи и странах, где физика еще не изгнала из науки о природе этих духов и их влияние.

«Призраки вновь заняли то место и приобрели то значение, которые они имели в Европе в самые низшие периоды социального развития и в средние века. Как и в древние времена, люди обычно общаются с душами умерших. В варварских племенах колдун изображается впадающим в летаргию или сон, в то время как его душа совершает далекие путешествия; и

сегодня нередко слышно от спиритуалистов о людях, впадающих в состояние неподвижности, в то время как их души посещают далекие места, откуда они передают информацию живым. , на сеансах спиритизма медиумы вызывают духи умерших, а также живых, душу Штрауса, Карла Фогта, святого Августина и святого Иеронима»³ .

Тридцать один год назад спиритизм культивировался с таким же рвением, как и в начале XX века, но он гораздо старше, его явления очень древние и смешиваются с анимизмом дикарей. Но, не уходя слишком далеко, сама Европа дает нам примеры спиритических явлений в прошлом, подобных тем, которые отмечаются сейчас. Так, в народных традициях известен старый персонаж, называемый немцами Poltergeist, который ночью ходил по домам, стучал в двери и все переворачивал; и с древних времен такие необъяснимые шумы приписывались духам. Так же верят и современные дайаки, сиамцы и сингалы. Церкви и приходы также беспокоили подобные шумы, и духов изгоняли литаниями и святой водой. Известен демон-барабан из Тодворта, который стучал в двери и стены домов ритмичными ударами барабана. В 1554 году в католической церкви Орлеана дух ударами давал понять, что нужно удалить тело жены протеста, похороненной там, потому что она была лютеранкой.

Широко известен был также типологический алфавит, и, более того, некоторые речи, написанные этим алфавитом, были напечатаны. Повесть «Хуанита, или Повесть о стуле» была напечатана в 1853 году в Гваделупе. У китайцев есть специальный алфавит, которым они призывают своих божеств, от которых ждут ответов.

Не обходится и без перемещения в воздухе без опоры людей и вещей. Им обладали буддийские святые, такие как сам Будда, а также христианские святые, такие как Святой Филипп Нери и Святой Игнатий Лойола.

Современный или ультрасовременный спиритизм пытается быть научным, как он пытался быть экспериментальным, и отсюда разница между анимизмом, средневековыми верованиями, спиритизмом прошлого века и настоящим. Эта попытка была естественной, логичной в научную эпоху, в которой мы живем, как было легко понять, что такая попытка была начата людьми науки и после признания явлений гипноза, о характере и значении которого больше нет сомнений. Таким образом, сегодня мы находимся в другой области, которая больше не заключается в том, чтобы жестоко отвергать так называемые спиритические явления как мало или совсем не заслуживающие доверия, а в том, чтобы объяснить те из них, которые подтверждены, если такое объяснение возможно.

Имена Крукса, Цёльнера, Лоджа, Аксакова, Ломброзо, безусловно, навязываются нам, как и должны навязываться нам интерпретации, которые они хотели бы дать нам в отношении спиритических явлений; но наука не имеет идолов, которых можно поклоняться без должного изучения и критики, особенно когда выводы научных авторитетов противоречат тому, что приобретено и устоялось в науке; в нашем случае спиритическая интерпретация, от какой бы научной авторитетной личности она ни исходила, всегда является возвратом к первобытным анимистическим и диким верованиям. Крукс — выдающийся химик, Уоллес — великий натуралист, Цёльнер и Фламарион — два выдающихся астронома, Ломброзо — основатель великой школы криминалистики; но, как я уже сказал, кажется, что в человеческой природе существует дуализм: с одной стороны, она бесконечно прогрессирует, с другой — остановилась и застыла, и поэтому представляет собой смесь первобытного и варварского с цивилизованным и развитым. Эти люди велики и цивилизованны в науке, которой они исповедуют, но они

примитивны перед явлениями, называемыми спиритическими, как индейцы и австралийцы. И я не удивляюсь этому, потому что верю, и верю потому, что наблюдал, что цивилизация, наука, знание не устраняют ничего из человеческой души, не уничтожают первобытного дикаря, а надевают на него новые черты, которые скрывают прежние черты. При первой же возможности эти черты проявляются с новой силой и энергией, и человек разделяется на две четкие индивидуальности: одну цивилизованную, другую дику. Спиритическая концепция дает нам яркий пример, который кажется противоречием, но на самом деле является просто дуализмом. Для других, верующих или присоединившихся к церкви, но невежественных, неспособных дать интерпретацию, остается только первобытная индивидуальность; они не обладают высшей научной индивидуальностью.

Одной из книг, которая произвела на меня наибольшее впечатление, является книга доктора Паоло Визани Скоцци «Медиумизм», не из-за явлений, которые он описывает, наблюдая их в своих четырех сеансах с Эусапией Палладино, а из-за анализа, самоанализа, который он проводит своего психического и эмоционального состояния по мере продвижения в спиритических сеансах. Это психологический самоанализ, который также демонстрирует прогресс и эволюцию его идей, формирующихся под впечатлением от спиритических сеансов. С этой точки зрения работа Скоцци достойна восхищения: от скептицизма по поводу реальности явлений он переходит к уверенности в их существовании, и, наконец, постепенно переходит к утверждению объективного, индивидуального, личного характера духовных сущностей как авторов явлений; но и этого ему недостаточно, он переходит к определению или попытке определить природу и характеристики этих духовных сущностей, которые, как он полагает, существуют в пространстве. Спиритуалисты, возможно, не найдут книги, более тонкой и важной для них, чем та, которую я сам считаю замечательной.

Для критики спиритических явлений достаточно одной книги Визани Скоцци, в ней есть все, что нужно для интерпретации спиритуалистов и их противников: ясность, верность, искренность, доктрина, приобретенная убежденность и, наконец, вера. Я не хочу ничего отрицать, я хочу признать все, что он видел, слышал, испытал, без малейшего сомнения; таким образом, я поставлю себя на твердую почву, которая является общей даже для самих спиритуалистов, которые, следовательно, не будут обвинять меня в том, что я хочу отрицать факты из предвзятости или чтобы избежать опасности. И вот я приступаю к делу.

Типтология, или наука о стуках по столу, которые используют духи, чтобы выразить свои мысли. Говорят, что эта форма языка была изобретена или согласована семьей Фокс в Америке для интерпретации стуков, которые раздаются во время обычных сеансов. Я должен напомнить, что не современный спиритизм изобрел стуки, как полагает доктор Скоцци; мы обнаружили, что типтология – вещь старая. Но, как бы то ни было, я хотел бы знать, как возникла такая языковая конвенция для всех духов земли; если в маленькой Аркадии семья Фокс нашла способ создать условный язык, как случилось, что духи Лондона и Неаполя знали и приняли эту конвенцию?

Я не нахожу ответ сложным, и для меня он таков: все спиритуалисты изучили методы проведения сеансов и, следовательно, также условный язык; есть книги, которые его описывают, как алфавиты всех стран. Поэтому можно утверждать, что типтология является человеческим изобретением, соглашением между медиумом и людьми, образующими цепь или круг.

Явления. – Доктор Скоцци на первом сеансе говорит: «Через несколько минут ожидания стол начинает скрипеть и двигаться; и в течение нескольких секунд он поднимается и полностью парит над землей. Кавалер Кьяйя сразу обращается к Джону Кингу, как к реальному человеку, и просит его повторить звук барабана, похожий на тот, который он издает пальцами на столе. И вот команда выполняется четко и решительно, с такими характеристиками, что ее можно приписать только руке, которая, оставаясь невидимой, выполняет это упражнение прямо посреди стола. Кроме того, вскоре после этого, когда этот ритм повторяется еще раз на столешнице, он одновременно слышен, в унисон, на спинке моего стула; и еще раз, снова одновременно и в унисон со столом и моим стулом, он слышен в нижней части стула капитана (еще одного из цепочки), возможно, на ножке, возможно, на задней поперечине каркаса сиденья. Это заставляет думать, что эта сила, производящая разумные звуки, является разумной... По моей просьбе кавалер Кьяйя усложняет ритм и увеличивает количество ударов в каждом такте; и тогда заметно большое усилие, в тщетных попытках повторить точное воспроизведение. Невидимая рука стучит и стучит пальцами, но не достигает желаемой точности; и это усилие отражается на физиономии Палладино, которая утверждает, что страдает от этого»... Наконец, ей удается. «Палладино вздыхает с облегчением; и стол подпрыгивает и поднимается с движениями, которые для самой обычной восприимчивости означают явное удовлетворение...»⁴.

Остановимся на мгновение и рассмотрим это первое явление. Автор утверждает, что силу, производящую эти звуки, и, естественно, движения стола, следует считать разумной. Разум, когда он определяет действия, должен иметь также определенные цели; так учит нас до сих пор наша не спиритическая логика, и, кроме того, мы имеем в качестве модели и образца человеческий разум и человеческие действия, по которым мы можем судить. С какой целью стол движется, поднимается и висит в воздухе? Ни один из спиритических толкователей не знает и не может сказать; я же говорю, что это движение бессмысленно, если оно является случайным проявлением разумного существа, как полагают. Почему Джон Кинг имитирует звук барабана? И почему он имитирует ритмичные звуки на столе, а затем синхронно на стульях того или иного человека? Из детской забавы? Из прихоти? Чтобы развлечь присутствующих? Чтобы убедить их, что он действительно существует? Умный и серьезный человек поймет, что эти игры не имеют никакой цели, то есть служат только для развлечения; и так бы и было, если бы цель наблюдателей и сидящих в цепочке не была серьезной.

Помимо стола, вокруг которого сидят медиум и другие сотрудники, в комнате находится еще один маленький столик. Внезапно он сдвигается со своего места и подходит к правому боку доктора Скоцци, к которому прислоняется; затем он толкает его локтем, как будто хочет привлечь его внимание, пишет сам наблюдатель; тот, однако, просит столик вернуться на место, и тот действительно уходит. С какой целью сдвинулся маленький стол? Кто знает? Только спиритуалист может подтвердить, что стол сдвинулся без причины. Это тоже игра?

Но Джон Кинг хочет темноты и чтобы кавалер Кьяйя сел в цепочку с остальными. В этот момент доктор Скоцци чувствует, как его касается рука, которая ударяет его по правому боку, а затем та же рука берет его за бедро до колена. Рука сухая, нервная, энергичная, удивительно быстрая и мимолетная. Но Джон Кинг, по просьбе Кьяйи, пожимает руку Скоцци; затем другие удары касаются его плеча, как это сделал бы друг. Эти контакты передаются другим людям в цепи, некоторые из которых получают дружеские пощечины.

Хорошо. Доктор Скоцци объяснит мне значение всего этого? Я не описываю другие подобные явления, которые не имеют определенной или, по крайней мере, известной цели. Затем следует новое перемещение стола, новые его движения, которые поддерживаются людьми в цепочке со средним; а затем явления, такие как, например, взятие монет из карманов одного и помещение их в руки другого... и так далее, что я не описываю. Итак, играем?

Более необычным, чем явления, является замечание доктора Скоцци, который пишет: «Следует сразу же отметить в этих явлениях пропорциональную и точную координацию средств и целей». Каких целей? Я не вижу никаких.

«По типологическому предписанию мы снова гасим свечу. Графиня Майнардис получает ласковую ласку по лицу: она выражает это спонтанной и выразительной речью, которая передает определенные необычные эмоции. Затем ей деликатно поднимают вуаль шляпки и дают громкий поцелуй, слышимый всеми, в левую щеку; и мы слышим еще один поцелуй, раздающийся в воздухе, в пространстве, которое, как мне кажется, находится между дамой и ее мужем. Я прошу эту силу, способную на такие нежные поступки, сделать то же самое со мной, но два отчетливых шлепка по левой щеке с типологическим (sic) намерением говорят мне «нет». Вместо этого графиня Майнардис рассказывает мне, что сейчас она чувствует, как ее лоб касается мягкая борода, и с большой эмоциональностью благодарит Джона Кинга за эти знаки особой привязанности»⁵.

Эти ласковые жесты также бессмысленны; непонятно, почему они делаются одному человеку и отказываются другому, и почему, в любом случае, они делаются без просьбы; лучше бы их просили люди в цепи. Это еще одна игра? Кто знает.

Но среди шума и гама происходит необыкновенное событие: на стол принесли стул, а на него – маленький столик. Это явление, хотя и интересное, но совершенно бессмысленное, без цели, даже без видимой цели поиграть; и что же? Это очень умные силы действуют так без цели? Пусть спиритуалисты мне объяснят.

Во время второго сеанса снова слышны удары по столу после приглашения; левитация, согласно спиритическому языку, стола с громким падением; безумное движение стула; движение стола к входной двери с шумом и грохотом; появление тени, щелчок языком, обычные ласки госпоже Майнардис; новое перемещение стола; звук колокольчика; опускание маленького стола и стула на большой стол; новый поцелуй госпоже Майнардис; новое появление шарообразной тени; изменение цепи вокруг стола; появление духа, отца госпожи Сингер, с нежным диалогом, в то время как госпожа Майнардис получает ласки и качается на стуле; и даже слышен голос, похожий по тембру на голоса при тяжелых сифилитических или туберкулезных ларингитах, когда вибрационный тон голосовых связок полностью утрачен... с беззвучным лепетом; связка среднего пальца и ее расслабление... это, без сомнения, похоже на какую-то игру; но, проанализировав все отдельные действия духа или духов, поскольку Скоцци наблюдал две разные личности, не обнаруживается никакой цели в этих действиях, никакого скоординированного продолжения фактов, которые свидетельствовали бы об интеллекте, который думает и наблюдает, как это делают все люди. Зачем переносить стул и стол на другой стол? Зачем нужна левитация? Похоже, что этот духовный интеллект хочет показывать фокусы и развлекать зрителей. Если все духи, которыми, как видно, населена земля, такие забавные, то можно импровизировать театры, чтобы развлекать публику, и они будут духами-комедиантами.

На третьем заседании доктор Скоцци, помимо обычных вещей, таких как типтология, левитация мебели, прикосновения и тому подобное, демонстрирует поднятие среднего пальца со всем стулом на столе. И здесь я спрашиваю: какова суть этого явления? С какой целью оно было выполнено? Разумеется, мы рассуждаем с помощью человеческой логики, и доктор Скоцци, в остальном, также оценивает спиритические явления и действия с помощью той же логики. Итак, с такой логикой, этот факт не имеет цели добровольной и разумной, это странный факт и не более того; я пока не буду говорить об интерпретации способа исполнения. Наиболее благоприятное суждение заключается в том, что этот факт имеет целью развлечь публику или посмеяться над ней. Двумя другими явлениями являются отпечатки на глине и попытка письма, два непонятных явления; читатель видит, что я ничего не отрицаю.

В четвертой сессии более или менее идентичные явления; и читатели, желающие удовлетворить свое любопытство, прочитав многочисленные отчеты о спиритических сессиях, найдут повторение тех же самых фактов без намеренного конца, без настоящей или будущей цели. Кажется, что мы наблюдаем за фокусами, силовыми играми, вяжущейся кошки, и не более того. Медиум Палладино в этом и других сеансах всегда переносится на стол со стулом и без причины. Поэтому я не считаю необходимым продолжать изложение явлений, которые повторяются на всех сеансах в любой части мира, не продвигаясь ни на шаг вперед; и, заметьте, это экспериментальные сеансы, благодаря которым спиритизм вступил в период, который мог бы дать окончательные результаты, если бы они были последовательными, но не дал.

Но спиритуалисты так не думают, в том числе и наш доктор Скоцци, который имеет пиндарические полеты и, надо признать, высокий ум, хотя и неконтролируемый. Что он говорит об этом? Вот:

«Из изложения фактов и краткого комментария (на самом деле комментарии очень длинные, но полезные), которым я их сопровождал, я полагаю, что в душу читателя проникнет мое собственное убеждение: необходимо признать в пространстве присутствие индивидуальных интеллектуальных и организующих единиц, внешних по отношению к нам и морально неизвестных, но способных общаться с нами благодаря вмешательству людей, обладающих особыми биологическими и динамическими качествами, которые обобщенно называются медиумизмом.

«Когда мы обнаруживаем автономность жизнедеятельности и функций, мы распознаем ту всегда сложную единицу, которую мы называем индивидуумом; и с еще большей уверенностью мы склонны констатировать наличие индивидуальности там, где нашему разуму проявляется биологическая (sic) сила высшего порядка, такая как интеллект, наделенная недвусмысленным (sic) коэффициентом той его автономной прерогативы, которую мы называем волей»⁶.

Из того, что мы изложили, то есть из явлений, не видно ни интеллекта, ни связанной с ним воли, потому что явлениям не хватает целеустремленности, а это одна из характеристик того действия, которое называется добровольным. Но далее следует:

«Интеллект, который демонстрируют скрытые агенты в своих отношениях с нами, заставляет нас полагать, что, какой бы ни была их организация, между нами и ними существует полная аналогия в мыслительной функции: аналогия функции заставляет нас признать аналогию органа: а поскольку этого нет, мы были бы склонны признать, что, поскольку некоторые существа могут думать без мозга и без тела, возможно, в нас самих интеллект не является

функцией нашего мозга или нашего тела»⁷. Это рассуждение вызывает у нас удивление, просто удивление. Это уже не духи, созданные по нашему образу и подобию, а мы созданы по их образу и подобию! Это простое обращение или перевернутая та мыслительная способность, о которой говорит автор! Комментарий портит все, и падение в дику философию полное, только австралиец или кто-то из Конго может так думать.

Но кто хочет увидеть логику, которой руководствуются спиритуалисты в своих рассуждениях, пусть прочитает следующий отрывок из того же Скоцци:

«Но кто они, и что мы можем сказать о том, что представляют собой эти загадочные существа? Я уже сказал, что мы знаем о них слишком мало. Тем не менее, давайте попробуем что-нибудь сказать. Понятие, к которому мы пришли в отношении медиумизма, достигает научного критерия достоверности (читатель, обратите внимание: мы достигли достоверности); и если кто-то не согласен с моим мнением, пусть скажет мне, что для него означает достоверность. В свою очередь, новая проблема не может достичь другой степени, кроме как большей или меньшей вероятности (сейчас это вероятность). Объективное наблюдение и непосредственная индукция, которые служили нам до сих пор, больше не достаточны: необходима субъективная оценка, которая поддается более отдаленной индукции. Если только логическая строгость не позволяет нам сделать вывод о критериях вероятности, которая может достигать пределов уверенности...»⁸. Как? Так рассуждают? Так, с помощью этой логики, которая от малого, от вероятного, доходит до уверенности, или от уверенности спускается к вероятному. Подобного рассуждения не следовало ожидать от Византийского Скоцци.

Еще: «Мы должны быть уверены в телесности этих существ, поскольку, согласно неоспоримому априорному постулату, во вселенной не существует ничего, что не было бы субстанциальным или телесным»; потому что «духовность не является отрицанием какой-либо субстанциальности», которая может иметь разные степени плотности, как эфир, воздух и так далее. «Мы видели психологические и морфологические сходства, которые сближают этих существ с нами; они имеют чувства, страсти, мысли, как и мы... все это заставляет поверить, что они являются видом, родственным нашему, случайно незамеченным нами из-за его особой структуры... эти существа являются гуманоидами, то есть родственными человеческому виду»...⁹. Невозможно следовать за Скоцци в его спекуляциях, потому что это ведет в головокружительное царство, которое может быть придумано только безудержной фантазией; не стоит следовать и за Аксаковым, для которого мы принадлежим к бессмертию, ни за всеми остальными, которые видят реинкарнированные души умерших, которые приходят и уходят по нашему желанию, появляются по нашему призыву и обнимают нас, целуют и утешают.

Возвращаясь к вышеупомянутым явлениям, я привел несколько примеров из экспериментов доктора Скоцци, в достоверность которых никто не усомнится, как никто не усомнится в его интеллекте и добросовестности, и подтверждаю то, что уже показал: отсутствие намерения, отсутствие цели, имеющей какое-либо значение, демонстрирующей интеллект с волей, направленной на достижение какой-либо цели. Эти явления кажутся игрой, но без характера детских игр. Феномены Палладино, кроме того, представляют собой постоянное повторение одних и тех же сеансов, проводимых повсюду, в Италии и за ее пределами, особенно так называемые левитации столов, стульев и ее самой. Есть еще явления духов умерших, которые варьируются в зависимости от людей, образующих цепь и проявляющих желание.

Эти явления можно подвергнуть еще более строгой критике, если бы было необходимо вдаваться в подробности, которые были бы скучны для любого читателя. Но те, кто желает этого, могут сами, руководствуясь здравым смыслом и естественным критическим духом, найти, где заключается иллюзия. Недавно доктор Карус из Чикаго, издатель журнала «Monist», опубликовал интересную статью на эту тему¹⁰ и раскрыл путаницу, которая возникает в личностях, представленных как духи умерших, и именно в сеансах так называемых психических исследований¹¹. Следует отметить, что Карус является спиритуалистом, поэтому он завершает свое исследование следующими словами: «Резюме моих взглядов простое: я верю в дух, но не в призраков». И он рассказывает о небольшом событии.

«Медиум, который из всех сил старался удивить меня своими спиритическими видениями, сказал мне, что он видит вокруг меня духов великих мудрецов, в том числе Конфуция и Будду. (Следует отметить, что Карус является ученым, занимающимся азиатскими религиями, особенно буддизмом и конфуцианством). Если бы он был лучше осведомлен, он бы назвал Лао-цзы перед Конфуцием; но я не стал затрудняться из-за такой мелочи, свободно принял правдивость его откровения и попросил описать мне их внешний вид. Воодушевленный успехом, он описал Конфуция как типичного китайца с длинным хвостом (!), а Будду как почтенного старика в длинной белой одежде и с большой белой бородой (!). Мой медиум не знал, что косичка была навязана китайцам татарами, а Будда принадлежал к религиозному ордену, члены которого носили бритое головы и желтые одежды. Будда, похоже, не соблюдал правило бритья головы, и буддийские художники изображают его с волосами на голове и бородой, но никогда с длинными усами и длинной белой бородой.

Если мы хотим дать представление о спиритических учениях, мы должны вспомнить анимистическое учение первобытных племен, где мы находим все те явления, которые отмечаются в сеансах спиритизма. С этой точки зрения спиритизм является, так сказать, возвращением к науке дикарей, индейцев, австралийских аборигенов, маори Новой Зеландии, батаков, африканцев центрального континента. Мы уже упоминали об этом выше, говоря об анимизме, и вспомнили о явлениях, признаках присутствия духов, подъемах или левитациях, беззвучном и шипящем голосе, призраках и т. п.: ни больше, ни меньше, как в современных спиритических сеансах. Тогда мы должны признать, что дикари были умнее ученых, что их идеи и знания были выше того, что мы считаем современным научным достижением; мы должны также признать, что были неправы, говоря о средневековом варварстве, тогда как варварством было бы наше неприятие верований в духов, колдунов и колдовство, призраков, явлений, которыми наполнено все средневековье. Современный мир скорее отступил назад, чем продвинулся вперед, не признавая всего того, что составляет философию дикарей и древнего и средневекового мира.

Таким образом, согласно спиритическим верованиям, мы должны признать, что мир, пространство полно невидимых существ, некоторые из которых являются душами умерших, которые не имеют постоянного места обитания, а точнее, не имеют его вовсе, и все мы можем вызвать их с помощью медиума и стола, чтобы они явились, писали, говорили и раскрыли нам что-нибудь о загробном мире. Этых духов может вызвать кто угодно, Наполеон, Цезарь, Дарвин, Святой Августин, их может вызвать первый попавшийся на спиритическом сеансе с помощью шлюхи или любого хомута; Данте может быть вынужден прийти в Геную или в другое место и даже писать стихи, пусть даже неправильные. Но самым необычным явлением будет то, что Данте может одновременно появиться в Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Петербурге, Риме, если

в этих городах одновременно проходят спиритические сеансы, — необыкновенная и удивительная вездесущность, как у богов!

Но не все духи добры, есть и такие же злые, как преступники в мире живых; и тогда мы видим, что они капризничают, пугая жильцов в домах, ломая их мебель, разрушая бочки и бутылки в погребках. К несчастью для таких злобных духов, для них не существует ни кодексов, ни тюрем, и среди них нет такого гения, как Ломброзо, который создал бы для них новую криминальную школу.

Тайлор, вышеупомянутый английский этнолог, так заканчивает свой отчет о спиритизме своего времени, более тридцати лет назад:

«Вкратце, вот к какому практическому выводу приводит нас учение о духах. Помимо вопроса о том, что может быть правдой, а что ложью в предполагаемых одержимостях, в оракулах умерших, в двойном зрении, в экстазе, в движущихся предметах, в парении в воздухе, остается история веры в духов, рассматриваемая как мнение. Эта история показывает нам, что объяснение явлений с помощью вмешательства духов относится к науке о диком человеке. Предположим, что индеец из Северной Америки присутствует на сеансе спиритизма в Лондоне; он, без сомнения, не будет считать себя вне своей страны среди этих духов, вышедших из тел, в которых они обитали, и проявляющих свое присутствие посредством шумов, голосов и других физических действий. Потому что все это является частью системы природы, как он ее понимает. Что для него будет действительно новым, так это введение чтения и письма, которые принадлежат к другому, отличному от его, состоянию цивилизации. Но вот проблема, которая возникает при сравнении представлений о духах, которые имеют люди в диком, варварском и цивилизованном состоянии. Имеют ли индейский медиум, татарский некромант, провидец из Верхней Шотландии и врач из Бостона общую веру и науку, содержащие великие и важные истины, отвергнутые как бесполезные интеллектуальным движением последних двух веков? И то, чем мы так гордимся, то, что мы называем новым светом, является ли научным упадком? Если бы это было так, то это был бы серьезный случай дегенерации; дикари, которых некоторые этнографы считают дегенератами, чьи предки знали более развитую цивилизацию, могли бы тогда восстать против тех, кто их обвиняет, и упрекнуть их в том, что они опустились ниже уровня дикой науки»¹².

Проблема поставлена точно; и спустя несколько десятков лет мы вынуждены вновь поднять ее, чтобы снова искать решение. Я сказал выше, что две стадии цивилизации, описанные Пауэллом, не исключают друг друга, не уничтожают друг друга, не уничтожились, а сосуществуют рядом: дикарь в человеке сосуществует с цивилизованным человеком; устранение дикаря, возможно, еще далеко, но я сомневаюсь, что это произойдет в эпохи, очень далекие от настоящего. Это не просто спящее выживание в глубине современной цивилизации, но большая часть живого мышления и чувства.

³ Тайлор, *La civilisation primitive*. Париж, 1876. Франц. перевод. Т. I, гл. IV. Предисловие датировано 1871 годом.

⁴ Медиумизм, стр. 166-67.

⁵ Медиумизм, стр. 177.

⁶ *Op. cit.*, стр. 373-74.

7 Op. cit., стр. 377.

8 Op. cit., стр. 394.

9 См. текст, глава 1 части 3а.

10 Spirit and Ghost, апрель 1902 г.

11 Я мог бы высказать аналогичную критику в адрес огромной работы профессора Хайслопа из Нью-Йорка, опубликованной в Proceedings della Società for psychical Reserwh (Трудах Общества психических исследований), но для моей цели это, по-моему, бесполезно. Желающие могут прочитать статью Каруса, упомянутую выше, и рецензию в Psychological Review, май 1902 г., а также Revue des Études psychique де Весме, Париж, 1902, 3-4.

12 Op. cit., Vol. I, стр. 184-85

IV.

Недоразумение

Перейдем теперь к другому ряду соображений, и сначала зададимся вопросом: являются ли истинными, подтвержденными явлениями, называемые спиритическими? На что я сразу отвечу, что многие из них истинны. Тогда я слышу еще один вопрос: как их объяснить? – Если бы я ответил, что не знаю, я был бы в значительной степени прав и остался бы в сфере науки, потому что наука до сих пор не знает всего и не может все объяснить, хотя и знает большое количество явлений.

И, на мой взгляд, лучше признать свое незнание, чем придумывать интерпретацию, которая не только не является объяснением, но и упрощает проблему, не разъясняя и не решая ее. Если я придумываю духов, чтобы объяснить явления левитации, например, и другие, я уничтожил проблему, но не решил ее. Это не только не научно, как утверждают спиритуалисты, которые немного бормочут о психологии и физике и смешивают это со всеми призраками мертвых, но и просто дико. На самом деле дикари не находят ничего необъяснимого, они знают все, потому что придумывают оккультные силы, чтобы объяснить природные явления любого характера: как мы видели на примере этих данных и особых фактов, спиритуалисты дикари, как краснокожие, ни больше ни меньше.

Я не знаю, как происходят некоторые хорошо подтвержденные явления, и я гораздо более удовлетворен этим сознательным незнанием, чем примитивной наукой, которая ничего не объясняет. Но если я скажу, что у нас есть точка опоры, в которой никто не сомневается и не может сомневаться, то тогда я утверждаю, что что-то знаю. Так называемые спиритические явления происходят посредством вмешательства человека, называемого медиумом, а также предмета, который служит медиуму, например стола: твердой точкой является медиум.

Изучая все спиритические сеансы, исследуя состояние медиума в момент возникновения явлений, которые называются медиумическими, приходят к убедительному выводу, что все происходит благодаря ему; и я приглашаю непредвзятого читателя прочитать анализ самого

Визани Скоцци, его обширные наблюдения за состоянием Палладино в роли медиума, чтобы получить точное представление об этом. Читатель обнаружит, что каждое явление требует изменения, проявления, какого-либо действия медиума: поэтому, повторяю, медиум является отправной точкой для интерпретации явлений¹³.

Но можно также признать, сознательно или нет, сотрудничество людей, которые находятся в контакте с медиумом; и Скоцци снова высказал ту же идею, нужно отдать ему должное. Таким образом, можно признать, что явления происходят при сотрудничестве всех, но с центром производства в медиуме. Как? Сразу же я снова слышу вопрос.

Я мог бы снова ответить, что не знаю, но я мог бы указать на хорошо известный сегодня путь, по которому можно прийти к интерпретации, а именно гипнотическое состояние со всем, что его окружает, сознательная и бессознательная суггестия, психическая жизнь и ее формы, ее бессознательные отложения, воспроизведение, казалось бы, утраченных психических фактов, легким движением, возникающим при появлении идеи движения; а затем все психические аномалии с расдвоением и более того, с личностью, действующей независимо и как объективно отличная: явления, известные, кстати, в классическом гипнотизме. О, я не собираюсь ничего объяснять в данном случае, я только хочу указать пути, по которым серьезный ученый, а не человек с примитивной и дикой душой, может интерпретировать так называемые спиритические явления.

И я всегда помню об одной важной книге, которая может служить образцом, типом исследования в анализе явлений, книге Флурноа, о которой я уже упоминал¹⁴. Эта книга является удачной попыткой интерпретации тех любопытных явлений, которым спиритуалисты, естественно, дали печать спиритизма. Флорнуа не удалось полностью объяснить эти сложные и разнообразные явления, но он объяснил многие из них; важно, на мой взгляд, это метод и, вместе с ним, основа, отправная точка исследования и анализа. Тот, кто прочитает эту книгу, убедится, что эти явления являются продуктом Мад. Смит.

Таким образом, с такой точной идеей, потому что она подкреплена фактами, с таким объективным методом, не поддаваясь чувствам, не удивляясь диковинным явлениям, можно будет разобраться в многих явлениях, которые до сих пор остаются необъяснимыми для науки. Тогда можно будет утверждать, что наука получит новую область наблюдений или расширение нынешней психологической области; потому что я убежден, что патология с ее проявлениями обостряет нормальные явления, которые часто ускользают от анализа и исследования.

Если же допустить, что так называемые спиритические явления являются продуктом существ, находящихся вне нас, блуждающих по земле; что привидения являются призраками наших душ, вышедших из тела и легко вмешивающихся в человеческие дела, легко призываемых и, следовательно, возвращающихся к нам; тогда станет понятно, что любое исследование закончено, прервано, как это обычно бывает в философии первобытных и диких народов. Исследование касается неизвестного, никогда известного; если мы убеждены, что знаем производителей явлений, исследование закончено: это глубокое невежество, отрицание знания и даже интеллекта. Если и есть тайна, то она находится в глубине человеческого существа, сложного в своих формах и функциях; раскроем эту тайну, изучая человека в понятных и непонятных явлениях, и тогда мы получим науку и ее откровения.

Однажды утром я случайно встретил своего друга, который накануне вечером посетил спиритическую конференцию нового обращенного, восторженного как неопит; зная мои убеждения, он сказал мне: «Я атеист и материалист по убеждению, но я чувствую потребность верить в загробную жизнь и в выживание нашего существа; потому что меня пугает мысль, что после стольких трудов от нас ничего не останется. Поэтому я чувствую себя втянутым в спиритизм как в то, что заполнит эту мою пробел». Как видно из этого искреннего заявления, не ум, интеллект, мышление с его убеждениями приводят к вере в загробную жизнь, а чувство, особенно чувство желания выжить, чувство естественного бесконечного существования, без усилий, как предопределение. В самом деле, добавил я, у него было продолжение рода в лице детей, и это, естественно, является бессмертием жизни; «но не моей личности», ответил он. Из-за этого специфического условия, созданного первобытными верованиями и укрепленного религиозным воспитанием, человек всегда будет иметь две души: одну первобытную и дикую, другую цивилизованную и высшую.

Спиритизм, к сожалению, с его научно выглядящими исследованиями, укрепляет это человеческое явление и еще больше усугубляет противоречие между двумя душами; потому что, ублажая чувство выживания в духовной форме, он создает видимость научного доказательства этого выживания и даже экспериментального доказательства посредством реальных явлений душ умерших на сеансах спиритизма.

Из всего этого возникло большое недоразумение, и спор между материализмом и спиритизмом возобновился с появлением спиритических явлений. Я говорю «недоразумение», потому что до сих пор философский спиритизм, от Платона до догматической теологии, признавал в человеке духовную субстанцию, которая выживает после смерти тела и отправляется жить в особое место наслаждения или наказания, в зависимости от заслуг и проступков.

Поэтому для этого спиритуализма материалистами являются все те, кто признает душу как функцию организма, и современная психология была бы полностью материалистической, если рассматривать ее с этой точки зрения.

Но спиритизм – это совсем другое, чем вышеупомянутый философский спиритуализм, и для него материализм заключается в нежелании признавать спиритические явления, то есть в желании интерпретировать их без вмешательства духов. Это действительно двусмысленно, брошенное среди более или менее невежественного, полуверующего народа, предвзятого религиозными идеями и лишенного критического мышления в принятии идей, которые ему сообщают.

На самом деле, можно быть спиритуалистом в соответствии с религиозной верой и отрицать спиритизм; все благочестивые католики относятся к этой категории и отвергают явления душ, а если и признают спиритические явления, то считают их дьявольскими.

Можно быть убежденным в реальности явлений и отрицать спиритическую интерпретацию, признавая вместе с теологами существование духовной души. Можно быть убежденным в явлениях и признавать психопатологическую интерпретацию, и тогда почему же считаться материалистом?

Но недоразумение продолжается в научном концепте самих спиритуалистов. Они используют слова: психология, психические науки, психические исследования, как мы, которые до сих пор занимались психологией человека без вмешательства таинственных и духовных сил; но они

придают им измененное и, естественно, двусмысленное значение, потому что подразумевают в основном не науку, которая исследует и анализирует психологические факты в человеке, а проявления духов в отношении человека. Таким образом, можно сказать, что психология спиритуалистов – это психология духов вне тела: хаос неправильных и неопределенных понятий, которые трудно определить. Немногие умные спиритуалисты, имеющие научную подготовку, пытаются их определить, хотя, как мы видели, доктор Скоцци теряет логику в своих догадках, и поэтому кажется невероятным, как он может рассуждать, утверждая странные идеи, противоречащие здравому смыслу. Все спиритуалисты не обращают внимания на тонкости и принимают веру и верования, грубые и примитивные, как у индейцев и австралийцев, без критики и без критериев.

Отсюда проистекает и уверенность некоторых в создании новой формы религиозной веры на спиритических основах, в то время как они подтверждают старую: отсюда и пустые разговоры и надежды некоторых фанатиков, легкое невежество, фантастические изобретения загробного мира некоторых дешевых пророков. Все это кажется странным, но видно, что человек обречен быть посмешищем своей фантазии, которая создает ему объективность и материализует призраков, как во сне.

Я знаю, что меня назовут мизонистом, но те, кто меня знают, кто знает, как я боролся и продолжаю бороться со всем старым и упадническим, знают также, что такое определение мне не подходит. Напротив, легко доказать, что, борясь против спиритической веры и против интерпретации спиритуалистов, я демонстрирую, что я более прогрессивен, чем любой, кто верит и надеется на науку о духах. Спиритизм по сути своей является старой верой или старой наукой первобытных народов всех обитаемых частей мира и варварских эпох народов, которые теперь называют себя цивилизованными; а истинная наука, которая борется с ним, представляет собой прогресс человеческого духа, который, в конечном счете, является постепенным и непрерывным устранением ложной науки, зародившейся в зачатки человечества.

Мне также известны необоснованные претензии некоторых фанатиков, которые сравнивают противодействие, которое в разные эпохи оказывалось научным изобретениям, открытиям и самим научным приложениям, с противодействием, которое сегодня оказывается спиритизму. Но те, кто знают историю наук, изобретений и их полезных приложений, знают, что такое противодействие было легко и в короткие сроки преодолено благодаря проверкам и пользе, которую они принесли науке и человечеству.

Однако история спиритизма показывает нам, что не только спиритические явления столь же древны, как и сам человек, но и экспериментальное изучение так называемых спиритических явлений длится уже по крайней мере полвека, и за это время не появилось ни малейшего просвета, который помог бы найти решение в том смысле, в котором этого хотят и желают эти лжеученые и шарлатаны, которые появляются как грибы после дождя; но также показывает, что явления, которые сегодня наблюдаются на спиритических и медиумических сеансах, остаются неизменными, без каких-либо изменений, и без возможности их контролировать и использовать, как сегодня используется гипноз, который, со своей стороны, встречал препятствия со стороны ученых, а теперь признан полезным в терапевтической практике. После многих лет противостояния, после многих экспериментов, проводившихся на протяжении нескольких десятилетий выдающимися людьми, говорить о возможности существования

спиритической науки – все равно что верить в то, что бушмен станет гением и научно интерпретирует свои фетиши, в которых воплощены духи-покровители. И все же один университетский профессор, известный также как политик, пожелал, чтобы в университетах были кафедры спиритизма, что экспериментально подтверждает мою тезу: в цивилизованном человеке живет дикарь, как две души, которые живут параллельно и одновременно в одном теле!

13 Тот, кто прочитает Falconer, Contributo di fatti per la soluzione del problema di Psicologia: pro o contro lo spiritismo? Alessandria, 1898, будет полностью убежден в абсолютной зависимости таких явлений от медиума и в отсутствии необходимости в невидимых сущностях, если читатель не предвзято относится к этому вопросу.

14 Des Indes à la Planète Mars. Étude sur un cas de sonnambulisme avec glossolalie. Paris-Genève, 1900.

V.

Выводы

Что такое спиритизм? – Это продолжение примитивной философии дикарей с претензией на интерпретацию явлений, которые не поддаются общепринятой интерпретации других природных явлений; с научной точки зрения это регрессивный метод в человеческом духе, потому что, сталкиваясь с трудностью объяснить явления, он прерывает всякую дискуссию и придумывает внешнюю причину, так называемый *deus ex machina*, который решает проблемы.

Современная наука и современный научный дух имеют в своей основе исследование с помощью наблюдения и эксперимента, с одной стороны, для установления явлений, а с другой – для вывода законов и причин явлений, которые непосредственно и естественно вытекают из них: так называемая спиритическая наука находит причины вне самих явлений и поэтому диаметрально противоположна современному научному духу. В современной науке исследование является объективным, в спиритизме, как и в дикой философии, наука является аналогией, вытекающей из субъективного опыта (Пауэлл); поэтому она находится в том же состоянии, что и в начале человечества перед лицом проявлений природы, примитивная, а значит регрессивная для нашего времени, и даже детская, как в детстве человечества. Таким образом, спиритическая наука, несмотря на форму, в которую она пытается облечься, смешивается с анимизмом и является его продолжением. Это спиритизм в абстрактном смысле.

Спиритизм как конкретные факты, и как он проявляется в сеансах, проводимых медиумом, является своего рода детской игрой. Играть на трубе, скрипке или мандолине, барабанить по столу, поднимать столы и стулья, самого медиума, в воздух и удерживать их в подвешенном состоянии; гладить людей, образующих цепь, целовать их, без причины шлепать их: все это игра, и только для игры это может иметь цель, намерение; серьезно, как проявления разумных существ, обладающих волей и эмоциями, это ничего не значит или имеет капризный и произвольный характер.

Тот, кто объективно изучает эти факты, замечает, что настоящие медиумы, а не фальшивые, имеют свои особые формы проявления, свои привычки в движениях, и они всегда повторяются с небольшими местными вариациями и в зависимости от присутствующих людей. Такие повторяющиеся факты не могут быть делом духовных существ или гуманоидов, которые, согласно спиритическим теориям, обладают волей и интеллектом.

Затем следуют явления духов умерших, как наиболее очевидное доказательство для спиритуалистов их веры. Но можно вызывать и духов живых людей, и я не знаю, как это можно согласовать с теорией. И этого недостаточно: одновременно дух может быть вызван и появиться на нескольких сеансах, находящихся на большом расстоянии друг от друга; обладает ли он вездесущностью?

Воплощения и материализации духов допускаются как явления, вытекающие из выдвинутых и поддерживаемых теорий: но это просто предположения, как и явления духов, которым спиритуалисты придают реальность или материальность. Однако читатель не должен забывать, что подобные явления, если они и происходят, то всегда через посредника, никогда независимо.

В статье, опубликованной некоторое время назад в журнале «15», я завершил следующими словами:

«Я уже признал, что существуют некоторые явления, которые относятся к так называемым спиритическим явлениям и требуют объяснения; но до сих пор такого объяснения нет, потому что эти явления не могут быть изучены с полной свободой, или потому что сами спиритуалисты предвзято относятся к ним, путая иллюзии и ошибки с тем, что может оказаться правдой. Но каким бы ни было будущее толкование, когда будет установлен истинный характер некоторых подлинных явлений, лишенных фантазий дилетантов, никогда не произойдет так, что их будут приписывать действию духов, которые не имеют места и находятся за пределами могилы: мы должны искать их происхождение или объяснение в самих природных силах; ни психическая наука спиритуалистов не станет человеческой психологией, так как абсурд никогда не может быть рациональным элементом».

На этом я заканчиваю и откровенно заявляю, что наука слишком аристократична, чтобы стать общедоступной, она слишком высока по своему пониманию, чтобы проникнуть в примитивные и детские души, которыми населена земля: абсурд может стать, как и в настоящее время, предметом веры; его устранение — дело избранных умов.

15 Il Giornale d'Italia, 11 марта 1902 г.